

Е. А. Величко, Ю. Б. Полидович

ЗОЛОТЫЕ НАХОДКИ ИЗ «НИКОПОЛЬСКИХ КУРГАНОВ» В КОЛЛЕКЦИИ Б. И. И В. Н. ХАНЕНКО

«— Да, совершенно очевидно.

— Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает.»

(Сэр Артур Конан Дойл, «Собака Баскервиль»)

Статья посвящена атрибуции предметов из коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко, которые поступили в 1900-е гг. с рынка древностей как происходящие «из курганов близ г. Никополя». Это различные нашивные пластины и бляшки в основном датированные IV в. до н. э. Стилистический анализ позволяет говорить о разнородности данной группы изделий и с большой долей вероятности предположить, что они связаны с грабительскими раскопками курганов в степном Причерноморье, Крыму, лесостепном Приднепровье и Среднем Подонье. Часть предметов, вероятно, представляет собой находки в «царских» курганах, разошедшиеся во второй половине XIX в. по частным коллекциям.

Ключевые слова: нашивные пластины, скифское время, курганы, коллекция Ханенко.

ВВЕДЕНИЕ

В 1907 г. вышел в свет 6-й дополнительный выпуск каталога «Древностей Поднепровья». В первых пяти выпусках была опубликована коллекция археологических древностей из собрания Богдана Ивановича и Варвары Николовны Ханенко. Все предметы были сгруппированы по историческим периодам от каменного и бронзового веков (выпуск I, 1899 г.) до славянских древностей VI—XIII вв. (выпуск V, 1902 г.). Это было довольно характерное для своего времени издание, представившее, с одной стороны, обширную частную коллекцию¹, а с другой — очень качествен-

но подготовленный источник по древней истории Поднепровья. Коллекция была подана как цельное собрание древностей, каждый предмет был тщательно атрибутирован. Однако время шло, и собрание Б. И. и В. Н. Ханенко продолжало жить по естественным законам коллекционирования: приобретались новые предметы, а часть из ранее приобретённых по той или иной причине «уходила» из неё. В частности, супругами Ханенко, также как и отцом Варвары Николовны — Николою Артемиевичем Терещенко — и другими представителями рода Терещенко, была оказана всяческая поддержка в создании и развитии Киевского художественно-промышленного и научного музея, открывшегося в 1904 г. (Ковалинский 1998; 2003). Одним из важных шагов в этом отношении стала передача в дар музею 3145 предметов разных эпох (Ковалинский 1998, с. 370), составлявших значительную часть археологической коллекции семьи Ханенко и преимущественно опубликованных в выпусках I—V «Древностей Поднепровья».

По всей видимости, собирание коллекции древностей продолжалось и после 1904 г. Новые поступления были не столь массовыми, но

кого художественно-промышленного и научного музея (ныне там располагается Национальный художественный музей Украины), который в то время ещё находился в стадии проведения строительных работ. Параллельно ещё одна археологическая выставка была развёрнута в Киевском университете им. Св. Владимира (Беляшевский 1899, с. 116—119). Её основой стала коллекция самого университета, каталог которой был издан к открытию съезда (Каталог... 1899). Данное издание было безрисуночным, однако, содержало ёмкие и лаконичные характеристики предметов, структура которых затем была применена и в «Древностях Поднепровья».

1. По всей видимости, появление данного издания было связано с представлением коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко на археологической выставке, экспонировавшейся в августе 1899 г. во время работы XI археологического съезда в Киеве (Беляшевский 1899, с. 116—117, 119—120). Выставка была развёрнута в нескольких залах будущего Киевс-

все же представлявшими определённый интерес. Видимо, поэтому и появилось решение издать дополнительный выпуск «Древностей», куда были включены описания «предметов собрания Ханенко, не вошедших в предыдущие выпуски» (Ханенко, Ханенко 1907, с. 1). Среди них выделяется несколько групп находок, в отношении которых указано, что они происходят из «областей, прилегающих к среднему и нижнему течению Днепра» (Ханенко, Ханенко 1907, с. 10), или даже точнее — из курганов, раскопанных вблизи г. Никополя Екатеринославского уезда и губернии.

Это различные золотые предметы, которые датируются скифским и средневековым временем (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 499—526, 528—562). Скифские изделия и станут предметом дальнейшего исследования. В каталоге они разбиты на две группы. Первая из них включает «лоточек удлиненной формы», «лоточки небольших размеров» и «пластины нашивные, формы креста» (№ 514—526), которые «найжены в кургане близ г. Никополя», т. е. речь идёт о возможном нахождении этих предметов в одном комплексе. Ещё о 37 нашивных пластинах (№ 527—562), сказано, что они «найжены в курганах близ г. Никополя», что уже изначально подразумевает сборный состав этой группы изделий, по всей видимости, никак не связанных друг с другом.

Найти какую-либо дополнительную информацию о скифских золотых находках в курганах, по всей видимости, разграбленных крестьянами или любителями поиска древностей, возле г. Никополя¹, не удалось. Отметим, что в этом же выпуске «Древностей Поднепровья» были опубликованы бронзовые пластины, атрибутированные как предметы античного защитного доспеха, о которых сказано, что они найдены «при человеческих костях в деревянном склепе под разрушенным крестьянами в 1902 г. курганом близ г. Никополя Екатеринославского уезда» (Ханенко, Ханенко 1907, с. 10—11, 14, кат. 415—418, табл. III). Наличие даже минимальной информации об обстоятельствах находки предметов, однозначно, повышало их значимость. Это понимали Б. И. и В. Н. Ханенко и те агенты, которые работали на них. И при описании предметов такая информация время от времени упоминалась. Если же её не было, то очевидно, что либо её преднамеренно скрывали, либо она была окончательно утрачена ещё при первичной скупке находок. В такой ситуации сомнительной может быть и главная

1. Бронзовые пластины и информация о них были опубликованы Г. Павлуцким (1903) ещё до того, как они попали в коллекцию Ханенко. В. Ю. Мурзин и Е. В. Черненко (1980) републиковали их, определив как средства защиты боевого коня раннескифского времени, а А. В. Симоненко (2010, с. 196—198), приведя ряд аналогий, аргументировано отнёс их к сарматской эпохе.

информация — о месте происхождения предметов, о чём речь пойдёт дальше.

Итак, в общей сложности из «Никопольских курганов» в коллекцию Ханенко поступило как минимум 50 золотых находок, преимущественно представляющих собой небольшие пластины-аппликации одежды. Когда они были переданы в музей неизвестно. 37 из них были внесены в инвентарную книгу только в феврале 1924 г., когда все эти вещи уже находились в собрании Всеукраинского исторического музея им. Т. Г. Шевченко. В 1934 г. по акту № 18 все золотые изделия из этого музея (в том числе и интересующие нас пластины) были переданы на хранение в Государственный банк СССР, о чём свидетельствует соответствующая запись в инвентарной книге. В 1946 г. они были возвращены в исторический музей, а в 1964 г. переданы в коллекцию ювелирных изделий созданного специального отдела (затем — филиала) при Государственном историческом музее Украинской ССР, известного с конца 1968 г. как Музей исторических драгоценностей (до 1991 г. — УССР, ныне — Украины).

АНАЛИЗ ЗОЛОТЫХ НАХОДОК ИЗ «НИКОПОЛЬСКИХ КУРГАНОВ»

Все рассматриваемые пластины, исходя из воспроизведённых на них изображений, можно условно разделить на четыре группы.

I. ПЛАСТИНЫ С АНТРОПОМОРФНЫМИ ОБРАЗАМИ

1. *Пластина круглая с изображением женской головы анфас* (ДМ-6033²) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 528, табл. V: 528; Ростовцев 1925, с. 449; Онайко 1970, с. 106, кат. 499: б) (рис. 1: 1). Размеры: 23 × 24 мм. Золото 500 пробы.

Женский персонаж показан с круглым лицом, полными щеками, сужеными миндалевидными глазами с припухшими веками, широким и плоским носом, приоткрытым ртом, из которого высунут язык; лицо обрамлено прядями волос. Края пластины загнуты по всему периметру; для нашивания были пробиты крестнакрест 4 отверстия, 2 из которых квадратные. Пластина несколько деформирована, загнутые края выпрямлены, из-за чего образовалось несколько разрывов; рельефные элементы изображения местами смяты.

В первой публикации изображение на пластине было интерпретировано как театральная маска, но позже описывалась только как изображение головы горгоны Медузы (Онайко 1970, с. 48, 106; Журавлёв, Новицова, Шемаханская 2014, с. 88—90).

2. Здесь и далее — инвентарный номер в коллекции Музея исторических драгоценностей Украины — филиала Национального музея истории Украины.

Рис. 1. Золоті предмети з колекції Б. І. і В. Н. Ханенко: 1 — ДМ-6033; 2 — ДМ-6016; 3 — ДМ-6015; 4 — ДМ-6021; 5—7 — ДМ-6020, 6023, 6028; 8 — ДМ-6017; 9 — ДМ-6024; 10 — ДМ-6051 (фото Д. В. Ключко)

Изображения головы Медузы на золотых пластинах довольно часто встречаются в скифских погребениях конца V — IV вв. до н. э. Они отличаются иконографией воплощения образа, что послужило основой для выделения целого ряда (до 12) типов изображений (Онайко 1970, с. 48; Русяева 2002).

Главными определяющими признаками образа горгоны Медузы являются волосы в виде извивающихся змей, клыки, торчащие изо рта, большие глаза, выделяющиеся на лице, всегда обращённом анфас, и высунутый язык. Изображения Медузы (как полнофигурные, так и редуцированные в виде головы) с данными отличительными признаками известны в большом количестве по всему греческому миру в самых

разных вариантах воплощения в скульптурных формах, вазописи, нумизматике, торевтике и т. д. (см. последние обзоры: Wilk 2000; Karoglou 2018). Редуцированному изображению головы чудовища — горгонейону (*др.-греч.*: Γοργόνειον, «принадлежащий горгоне») — придавалось особое значение как апотрапею. Обозначенные признаки горгоны Медузы полностью соответствуют мифологической традиции и определялись ею (в частности, см. в изложении Псевдо-Аполлодора: Apollod. II, IV, 2; см. также: Тахо-Годи 1989, с. 39; Грейвс 2005, с. 341, 73; e; Wilk 2000, р. 17—30; др.). Параллельно складывался и её иконографический образ, который, не исключено, дополнялся новыми признаками, наполненными определённым

символическим значением. В частности, это касается выsunутого языка, присутствующего как на полнофигурных, так и редуцированных изображениях. Современные авторы воспринимают этот признак уже как неотъемлемую особенность горгоны Медузы, усиливающую её устрашающий вид (напр.: Грейвс 2005, с. 341, 73: e).

Как свидетельствует иконография, ни один из ужасающих признаков горгоны Медузы не был абсолютным и мог быть заменён на более нейтральный (волосы-змеи — на обычные пряди волос; рот с клыками — на обычный рот и т. д.), а сам образ Медузы от предельно демонического в архаичное время изменялся в сторону «очеловечивания» и придания Медузе черт красивой женщины уже в позднеклассическую эпоху. Соответственно менялись и сами горгоны (Furtwängler 1890, Sp. 1702—1727; Wilson 1920, p. 238).

Изображение на пластине из коллекции Ханенко как раз и представляет подобный трансформированный образ горгоны Медузы. Из всех обозначенных признаков остался только один — выsunутый язык. Фактически изображено лицо обычной полной женщины, но с выsunутым языком, что, по-прежнему, придаёт ей устрашающий вид. Подобный иконографический образ известен среди изображений на пластинах, происходящих из различных скифских комплексов IV в. до н. э. (Русяева 2002, с. 215—216, рис. 2; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 88—93), но изображение из коллекции Ханенко отличается от них рядом существенных деталей. Единственной точной аналогией является изображение на нескольких пластинах, происходящих из кургана Куль-Оба, представленных как в коллекции ГЭ (Копейкина 1986, с. 45, 151, кат. 12), так и в коллекции ГИМа (Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 88—90, кат. 25—26). Сопоставление всех особенностей изображения на ханенковской и куль-обинских пластинах позволяет уверенно говорить о том, что они были оттиснуты на одной матрице (наблюдаемые незначительные различия находятся в пределах определённой вариативности, всегда присутствующей при данной технологии изготовления).

2. *Пластина овальная с изображением фигуры юноши* (ДМ-6016) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 531, табл. V: 531; Ростовцев 1925, с. 449; Онайко 1970, с. 106, кат. 499: а; Грѣбкова 2009, с. 109; 2011, с. 126, рис. 5: д; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 66) (рис. 1: 2). Размеры: 20 × 26 мм. Золото 500 пробы.

Пластина овальной формы с рельефным изображением фигуры обнажённого юноши в профиль влево в позе «коленипреломлённого бега». Юноша как бы присел на левое колено, правая нога вынесена вперёд. Его голова и нижняя часть туловища изображены в про-

филь, а торс развёрнут в фас. Руки согнуты в локтях, правая поднята вверх, кисть обращена к лицу, левая отведена назад и опущена. Обе ладони изображены с растопыренными пальцами. Черты лица переданы очень схематично с прямым носом, круглым глазом и намеченным ртом. Волосы обозначены прямыми короткими развевающимися прядями. Рельефно показаны мышцы на руках, торсе и ногах. На пластине пробито 7 отверстий: 4 аккуратных, диаметром до 1 мм, с лицевой стороны вовнутрь, а 3 более грубых, диаметром 1,5 мм — изнутри наружу.

Пластина представляет не слишком распространённый тип изображений на аппликациях, известных по находкам во 2-м Семибратнем кургане на Кубани (Артамонов 1966, с. 66, табл. 110), кургане Куль-Оба (Копейкина 1986, с. 52—53, 153, кат. 23; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 66—71, кат. 14—15, 63, 77), кург. 5 возле с. Архангельская Слобода Херсонской обл. (Лесков 1974, ил. 45; Лесков 1981, с. 140, рис. 25: 13; Грѣбкова 2009, с. 108, рис. 3: 3), а также по коллекции ОАМ, где хранится пластина, происходящая, возможно, из находок 1864 г. в Пантикапее¹ (Одесский... 1983, с. 67, 175, кат. 123)².

Существует мнение, что данный тип пластин является заимствованием с античных монет и восходит к изображениям младенца Геракла со змеями (Ростовцев 1925, с. 448—449; Раевский 1985, с. 164) или иным сюжетам (Онайко 1970, с. 47; Русяева 2002, с. 181; Русяева 2007, с. 303; Грѣбкова 2009, с. 108—109; 2011, с. 126—128; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 66, 71). Однако схема «коленипреломлённого бега» в античном искусстве была самодостаточной и довольно распространённой. Она встречается, в том числе, и на геммах (на что также обращалось внимание: Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 71), изображения на которых по многим деталям более соответствуют иконографии пластин-аппликаций. Исходя из этого, сопоставление изображений, на наш взгляд, уместно проводить не столько в плане поиска прототипов, сколько в плане освещения некоего круга сюжетов и иконографических схем, к которым восходили изображения и на пластинах, и на монетах, и на геммах.

На пластинах из скифских комплексов воспроизведены изображения «бегущего» юноши двух вариантов. При аналогичности общей схемы, в одном случае, в руках юноши находятся

1. Высказывалось мнение, что эта пластина может быть связана с находками в кургане Куль-Оба (Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 16). Однако особенности иконографии, на наш взгляд, скорее говорят о том, что она происходит из иного комплекса.
2. М. И. Ростовцев (1925, с. 448) и Н. А. Онайко (1970, с. 47, 106) ошибочно упоминают находки подобных пластин в кургане у с. Верхний Рогачик (см. об этом: Бабенко 2015, с. 68, 70, 74).

некие предметы (второй Семибратний курган, частично Куль-Оба, Архангельская Слобода, ОАМ), во втором — руки у него свободны, а пальцы растопырены (частично Куль-Оба, коллекция Ханенко).

С точки зрения иконографии, ханенковская пластина почти идентична соответствующей пластине из Куль-Обы (Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 69, кат. 63). Некоторые отличия состоят только в чуть иных пропорциях расположения ладони правой руки перед лицом и несколько более длинных волосах на ханенковской пластине. Тем не менее, можно предположить, что и ханенковская, и кульобинские пластины были выполнены на одной матрице, которая могла незначительно деформироваться и подправляться в ходе работы, особенно, если она была изготовлена из дерева (Минасян 2010, с. 185; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 179). Это могли быть и две разных матрицы, на которых работали последовательно, одна из которых — точная копия второй с некоторыми небольшими отклонениями (поскольку изготавливались они вручную, то абсолютной копией быть не могли).

3. *Пластина круглая с профильным изображением мужской головы вправо* (ДМ-6015) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 530, табл. V: 530; Ростовцев 1925, с. 444; Онайко 1970, с. 106, кат. 499: в; Полин 2016а, рис. 2: 4) (рис. 1: 3). Размеры: 20 × 21 мм. Золото 750 пробы.

Воспроизведены курчавые волосы в виде рельефных колечек, глаз с округлым зрачком, который сверху оконтурен массивной надбровной дугой, а снизу — округлой скулой, небольшой прямой нос, слабовыраженные губы, борода, которая на подбородке показана тремя короткими прядями, а на щеках обозначена рифлёнием, а также шея и изогнутая линия плеча. По контуру — рамка в виде кольца псевдозерни. Между рамкой и изображением, так чтобы не затронуть последнее, пробиты 4 отверстия для пришивания.

Изображения головы бородатого мужчины в профиль известны по находкам в ряде аристократических курганов — Деевом, Верхнем Рогачике (центральная и боковая гробница), Чертомлыке (северо-восточная камера), Мелитопольском (боковая гробница), Огузе, Александропольском, 1-м Мордвиновском, № 2 в уроч. Носаки, Тащенак, № 8 Песочинского могильника и др. (Спицын 1906, табл. XIII: 1, 5, 13; XIV: 6; Артамонов 1966, рис. 100; Лесков 1974, ил. 36; Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский 1977, с. 78, рис. 2: 15, 16; Тереножкин, Мозолевский: 1988, с. 87, рис. 98: 16; 99; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 117, 250, кат. 212/22; Болтрик, Фіалко 1991, рис. 1: 2; Бабенко 2005, рис. 17: 6, фото 6; Фіалко 2003, с. 130, рис. 1: 4, 5; Бабенко 2015, рис. 3: 14, 16; Полин 2016а, с. 69—71, рис. 2). Подобные изделия относят к пластинам монетного типа. В

качестве исходного образца пластинам данного типа в настоящее время принято считать серебряные тетрадрахмы Филиппа II Македонского (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 117; Полин 2016а, с. 69—71). По мнению С. В. Полина, скифские подражания — выражение своеобразной «быстротечной моды», появившейся в конце второй — начале третьей четверти IV в. до н. э. в период непосредственных контактов скифов с Филиппом (Полин 2016а, с. 70). При этом изображения на пластинах, происходящих из разных комплексов, идентичны по общей композиции, но отличаются (порой довольно значительно) друг от друга деталями воспроизведения образа (Полин 2016а, с. 69). Только в кургане Огуз найдены 24 пластины данного типа, выполненные восемью разными штампами (Фіалко 2003, с. 130), а в целом их было около полутора десятка (Полин 2016а, рис. 2).

Пластина из коллекции Ханенко отличается от других. Наиболее близкими являются только изображения на пластинах из кург. 2 в уроч. Носаки, прежде всего, поскольку только в этих двух случаях воспроизведены курчавые волосы, трактованные колечками¹, в отличие от прямых или волнистых волос, показанных в других случаях. А почти полностью идентичной ханенковской пластине является пластина из кургана Огуз, найденная среди большого количества иных в 1902 г. крестьянами, уже после исследования этого памятника экспедицией Императорской археологической комиссии (Спицын 1906, с. 161, рис. 10).

II. ПЛАСТИНЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ

4. *Пластина четырёхугольной формы с изображением сцены терзания* (ДМ-6021) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 562, табл. V: 562; Полин 2016b, с. 282, 283, рис. 2: 4) (рис. 1: 4). Размеры: 40 × 35 мм. Золото 500 пробы.

На пластине в рубчатой рамке изображена сцена терзания фантастическим существом какого-то животного. Схема изображения очень статична: хищник напал на свою жертву сзади, как бы повиснув над ней, вцепившись в шею передней лапой и кусая за голову; животное, его жертва, изображено с подогнутыми ногами, поджатым хвостом и повернутой назад головой. Фантастическое существо изображено с грифоньей передней частью и змеино-драконьей задней. У него небольшая голова с торчащим длинным ухом, клювом, на котором обозначена

1. Ср. с достаточно распространенным в греческой и греко-скифской торевишке приёмом изображения руна овец, а также волос у так называемых негров (например, на фиале из клада Панагюриште: Венедиков, Герасимов 1973, ил. 131; 132; Пенкова и др. 2015, с. 54—56, обр. 57).

восковица, и миндалевидным глазом с круглым зрачком. Шея длинная и гладкая, над ней зигзагом изображён достаточно высокий гребень. Крыло большое, птичье, с детально проработанными четырьмя рядами кроющих и маховых перьев, начинающееся от локтя передней лапы. Лапа длинная, немного согнутая в запястье, заканчивается скрюченными когтями. Туловище длинное, изогнутое кольцом, показано рельефными линиями, увенчанное большим гребнем, состоящим из плотно расположенных лепестковидных выступов, переходит в гладкий хвост, оканчивающийся трёхлепестковой пальметтой. Терзаемое животное изображено с маленькой головой, на которой выделяется округлый глаз, раскрытый рот, обозначенный рельефным валиком, и небольшое треугольное ухо; длинной шеей; округлыми плечом и бедром; поджарым туловищем; когтистыми лапами (передняя почти не проработана) и длинным хвостом, подогнутым под туловище и оканчивающимся утолщением-кисточкой. Все эти признаки позволяют определить животное-жертву как кошачьего хищника¹.

Аналогичные сцены терзания драконом хищника воспроизведены на серии бронзовых наверший, происходящих из Краснокутского кургана и случайных находок у Тилигульского лимана, с. Водославовки и Гардовецкого леса в Нижнем Поднепровье и Северо-Западном Причерноморье (Полин 2016b, рис. 4: 3—10). Более компактно данная сцена воспроизведена на золотой пластине из кургана Большая Близница на Тамани (Мелюкова 1981, рис. 12: 1; Полин 2016b, рис. 4: 2). А на ажурной пластине из Александропольского кургана аналогичная сцена воспроизведена уже в относительной динамике (Мелюкова 1981, рис. 12: 2). Во всех случаях жертва достаточно однозначно определяется как хищник по характерной морде и расположению подогнутых когтистых лап. Фантастическое же существо, воспроизведённое на данных предметах, имеет выраженные черты образа, который вполне уместно называть драконом (Polin, Daragan 2011; Полидович 2015b, с. 123—126, рис. 10; Полин 2016b)²: оно имеет переднюю часть хищника, крылья, змеиную заднюю часть туловища и хвост-пальметту, т. е. объединяет в себе части существ, условно представляющих все зоны мироздания. При этом каждый компонент соотносится не с конкретным видом животного, а скорее обозначает данный класс существ — хищников, птиц, змей, рыб. Отличие существа на ханенков-

кой пластине состоит в том, что его передняя часть — грифонья³.

Пока известно только одно изображение такого существа — на обкладке ножен меча V в. до н. э. из Елизаветовского кург. 1 (1910 г.) (Тревер 1937, рис. 1; Артамонов 1966, табл. 323; 325; Бессонова 1977, с. 14, рис. 5: 1). По стилистическим признакам оба изображения значительно отличаются друг от друга. Это и иной иконографический тип грифона (на обкладке ножен — поздний вариант раннегреческого, на пластине — грифон с птичьими крыльями, характерный для изображений конца V — IV вв. до н. э.), и по-иному изображённый хвост (на обкладке ножен — короткий и широкий на конце, на пластине — аналогичен длинным хвостам драконов краснокутской серии). Однако существа одинаковы по своей сути и, к тому же, воспроизведены в едином контексте — в сцене терзания некоего животного: на обкладке ножен — змеи, на пластине — кошачьего хищника. По мнению К. В. Тревер, поддержанному С. С. Бессоновой, существо на обкладке ножен является одним из вариантов образа собакоптицы Сенмурва, а в сцене расправы со змеей ярко представлена его позитивная сущность (Тревер 1937, с. 34—35; Бессонова 1977, с. 14, 15). Изображение на ханенковской пластине, по всей видимости, можно рассматривать как очередной шаг в развитии данной мифологемы, выразившемся, прежде всего, в появлении нового образа терзаемого животного. В дальнейшем главная трансформация происходит уже с образом хищного существа — оно приобретает относительно устойчивые черты «скифского дракона», характерного для целого ряда различных изображений (Полидович 2015b, с. 123—126).

По всей видимости, ханенковская пластина является одним из первых изделий, представляющих сцену терзания хищника фантастическим существом. Широкое их распространение соотносится с такими памятниками как Александропольский и Краснокутский курганы, датируемые в настоящее время в пределах последней трети IV в. до н. э. (Алексеев 2003, с. 297; Полин, Дараган 2008).

3. Отдельно отметим уникальные и нетрадиционные особенности воплощения данного существа, выразившиеся в следующем: сочетание частей изображений классического грифона с птичьими крыльями и «скифского дракона» на уровне механического соединения традиционных стандартных иконографических схем; трактовка перьев на крыле, прежде всего, первого ряда кроющих перьев; птичья, а не львиная передняя лапа; условная передача гребня над шеей при детальной проработке иных частей тела существа; «птичьи», а не серповидно изогнутые крылья, характерные для всех известных изображений драконовидных существ, происходящих из скифских памятников.

1. По мнению С. В. Полина, здесь изображено «животное с туловищем копытного, имеющего маленькую головку с клювом (возможно, грифон)» (Полин 2016b, с. 283, прим. 11), с чем, в связи с описанными признаками и приведенными далее аналогиями, согласиться трудно.
2. Там же см. историографию вопроса об определении данных существ другими исследователями.

5. *Пластини неправильної чотирикутної форми з зображенням грифона* (9 шт.) (ДМ-6019, 6020, 6022, 6023, 6025—6029) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 536—544, табл. V: 536—544) (рис. 1: 5—7). Розміри: 16—17 × 14—15 мм. Золото 600 проби.

Зверь зображений в профіль з подогнутими лапами і повернутою назад головою в своєобразному графічному стилі (рельєфними лініями обозначены основні контури фігури). Голова непропорційно велика, обозначена общими контурами, з миндалевидним глазом, выступом на голові¹, округлим ухом і розкритим клювом. Плечо повністю закрито крилом, серповидно изогнутим вперед і обозначенным тремя полосками, из которых передняя сливается с контуром головы. Возможно, короткие полоски над бедром обозначают второе крыло, характерное для изображений грифонов этого типа. Бедро округлое. Лапы массивные, пальцы обозначены рельефными рубчиками. Поднятый вверх хвост обозначен расположенными по краю пластины рельефными пятью рубчиками и линией, петлеобразно загнутой вперед и утончающейся к кончику. Края пластинок равномерно загнуты вовнутрь по всему периметру. По углам пробиты по 4 отверстия (в одном случае изнутри, в остальных — с лицевой стороны), из которых левое верхнее совпадает с контуром уха.

Данні зображення можна віднести до групи зображень грифонов з серповидними крильями (Полидович 2015а, с. 116—119; 2015б, с. 104—106) і красноперекопско-корнеевскому типу зображень грифонов, по А. Р. Канторовичу (2015, с. 141—142, рис. 10). Найближчими їм вносяться зображення на золотих пластинках із кург. 4 у с. Вільна Україна групи Р-ІІІ (1970 г.) Красноперекопских курганов (Лесков 1974, іл. 82). Композиційне подібність обох серій настільки очевидна, що можна сказати, що зображення грифонов із колекції Ханенко були виконані за зразком красноперекопских, улічуючи графічність перших і більшу натуралістичність вторих. По фрагментам античної посуду красноперекопские пластинки датуються в межах другої — третьої чверті IV в. до н. е. (Полин 2014, с. 526). Таку ж дату можна визначити і для ханенківської пластинки.

6. *Пластина неправильної форми з зображенням грифона* (ДМ-6024) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 533, табл. V: 533) (рис. 1: 9). Розміри: 13 × 17 мм. Золото 600 проби.

Пластина, вирізана по контуру рельєфного зображення сидячого грифона вліво.

1. Ср. з завитком на темні, характерним для архаїчних зображень орієнталізуючого типу, в частності, на пластинках із кургана Перепахтиха, електрової обкладиці срібляного зеркала із Керлємських курганов і др. (Погребова 1948, с. 54; Полидович 2015а, с. 109, 111, рис. 2: 1—6).

Зображення повністю профільне. Голова грифона з великим круглим глазом і подтрикутним клювом повернута назад. Крило, показане великим рифленням, серповидно изогнуто вперед, його кончик розташований майже над головою. Передня лапа випрямлена, задня согнута, кисти лап проработаны. Длинный хвост з утолщенням на кінці піднятий вгору і петлеобразно загнут назад. Лівий край зображення декілька істотно змінений. Края пластинки акуратно загнуты по всему периметру. Для пришивання з лицьової сторони вовнутрь пробиты 4 разновеликие отверстия.

Аналогічні бляшки походять із кургана Куль-Оба. Из них 2 храняться в ГИМ, і ще 66, які були знайдені у скелета К (конюха), — в Государственном Эрмитаже (Копейкина 1986, с. 61, 154, кат. 33; Дюбрюкс 2010, рис. 297; Журавлєв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 122—123, кат. 57, 58). Відповідність пластинки із колекції Ханенко куль-обинским дуже висока, а деякі різниці (в основному, в передачі крила) цілком допустимі при роботі з однією матрицею. На ханенківській і куль-обинских (із зібрання ГИМ) пластинках пробиты однакові дві пари разновеликих отворів (діаметром близько 1,0 і 1,5 мм).

Ще дві серії подібних пластинок з зображенням сидячого грифона походять із кургана Солоха (Манцевич, 1987, с. 66—67, кат. 44) і кург. 13 в уроч. Носаки (Бидзіля, Болтрик, Мозолєвський, Савовський 1977, с. 152, 153, рис. 35: 3). Відмінності їх від куль-обинских досить очевидні. Однак в цілому можна погодитися з А. П. Манцевич, яка передположила, що штампи, при допомозі яких робили дані серії пластинок, «либо были изготовлены одновременно, либо один из них послужил для другого образцом» (Манцевич 1987, с. 66—67, кат. 44).

7. *Пластина кругла з зображенням звіря* (ДМ-6017) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 532, табл. V: 532) (рис. 1: 8). Розміри: 18 × 18 × 3 мм. Золото 750 проби.

Зверь зображений з подогнутими лапами і повернутою назад головою. Голова з довгою мордою, пасть розкрита, очі округлої форми, верхню частину голови і шийку увінчує гребінь (?). Коротку шийку оточує рубчатий воротник. Передня частина тіла покрита рельєфною «сеточкою» з округлими ячеями, по зовнішньому краю виступають 3 «шипи» (можливо, це означення гривы). Задня частина туловища гладка. Хвіст довгий і тонкий, проходить під бедром і піднімається над крупом; його кончик закінчується симетрично закрученими завитками. На центральну частину туловища наложено S-видний знак. По периметру пластина оздоблена рельєфним кантом. Края пластинки рівномірно загнуты на 3 мм, на них пробиты крест-накрест 4 отверстия.

Аналогії як пластині, так і зображенню на ній нам не відомі. Но общий стиль зоб-

ражения говорит о том, что оно относится скорее к эпохе средневековья, по всей видимости, к XII—XIII вв. Об этом, в частности, говорит и общая поза зверя, и особенности изображения хвоста, характерные для того времени. Это, например, подтверждают изображения различных хищников на стенах Дмитриевского собора во Владимире (Лелеков 1978, рис. 11; 32; 33). Кисточки хвостов, превращённые в симметричные пальметты, также характерны для изображений хищников в архитектурном декоре Руси в XII—XIII вв. (Булгина 2017, рис. 3; 6; 9; 11).

Сама пластина являлась накладной на некий выступающий рельеф основы из мягкого материала (кожи или дерева), к которому она крепилась благодаря боковым отверстиям. Некоторой аналогией ей может служить круглая бронзовая бляшка-накладка на пояс с изображением лежащего копытного животного с повернутой назад головой из Новгорода (Колчин, Янин, Ямщиков 1985, рис. 152). Подобные серебряные с позолотой круглые пластины с изображением грифона найдены в женском погребении в кург. 272 у с. Бурты в Поросье, относимого к древностям чёрных клобуков (Плетнёва 1973, рис. 26: 12, 13).

8. *Бляшка удлинённой формы с изображением голов кабана* (ДМ-6051) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 514, табл. V: 514) (рис. 1: 10). Размеры: длина — 62 мм; ширина — 7—8 мм, высота 4 мм. Золото 750 пробы.

На противоположных концах удлиненной бляшки в высоком рельефе схематично переданы вытянутые головы кабанов с выпуклыми, как бы на выкате, глазами, торчащими клыками и уплощенными носами-пяточками. Между глаз животного — прямоугольный выступ, расположенный по оси. Посередине бляшку опоясывают 5 рельефных колец, которые как бы соединяют головы между собой. По краю длинных сторон пробиты по 5 отверстий для нашивания. В памятниках Степной Скифии найдены подобные выпуклые бляшки, но более короткие и воспроизводящие только одну голову кабана. Они происходят из Александропольского, Деева и Мелитопольского курганов (Древности... 1866, табл. X: 35, 36; Спицын 1906, табл. XIII: 26, 27; Тереножкин, Мозолевский 1988, рис. 95: 11). А вот аналогичные ханенковской длинные бляшки с двумя головами известны по находкам только в среднедонских памятниках: кург. 9 и 11 могильника Частые курганы (1915 г.) и кург. 1 и 4 могильника у с. Дуровка (Замятнин 1946, с. 35, рис. 23: 4, с. 44, рис. 34; Пузикова 1966, с. 87, рис. 29, 17; Пузикова 1995, рис. 6; Пузикова 2000, с. 186, рис. 7: 18; 18, 4). Известны здесь и бляшки в виде одной головы кабана, найденные в кург. 1 (1908 г.) и сборах А. А. Спицына на могильнике у с. Мастюгино (Либеров 1965, табл. 24: 6, 12), кург. 1 и погр. 2 кург. 18 у с. Колбино (Гуляев 2010, с. 225, рис. 13). В кург. 4 у с. Дуровка най-

дена амфора херсонесского производства первой трети III в. до н. э. (Пузикова 2000, с. 186), что позволяет отнести всю серию длинных бляшек с изображением двух голов кабана (в том числе и ханенковскую) к наиболее поздней группе скифских аппликаций одежды и датировать её последней четвертью IV — началом III вв. до н. э.

III. ПЛАСТИНЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ РАСТИТЕЛЬНОГО ОРНАМЕНТА

9. *Пластина большая круглая с изображением розетки* (ДМ-6040) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 529, табл. V: 529; Онайко 1970, с. 106, кат. 499: г) (рис. 2: 1). Размеры: 27 × 27 мм. Золото 500 пробы.

Пластина украшена изображением расположенных крестообразно 4 крупных пальметт (цветы лотоса или лилии). Каждая пальметта состоит из небольшой чашечки, образованной двумя изогнутыми чашелистиками, двух симметрично расположенных и изогнутых лепестков, изображённых тонкими, как бы в разрезе, и средней копьевидной части. Изогнутые чашелистики и лепестки образуют двухуровневую четырёхлепестковую розетку, центром которой является округлый выступ. По контуру бляшка украшена рифлёным кантом. Края пластины загнуты вовнутрь. Рядом с центральным элементом каждой пальметты пробито отверстие квадратной формы для нашивания пластины.

В памятниках Степной Скифии найдены подобные, но ажурные и вырезанные по контуру пластины. Это находки в курганах Огуз, Александропольский, Гайманова Могила и Калькова Могила, а также они происходят из курганов Большая Близница в Прикубанье и Большого Рыжановского в Лесостепном Приднепровье (см. сводку: Фиалко 2003, с. 125, 132, рис. 3: 38; Бидзиля, Полин 2012, с. 475, кат. 289). Все бляшки этой серии отличаются рисунком изображения, степенью ажурности и размерами. Бляшки из Гаймановой Могилы и Большой Близницы выделяют «греческая точность линий и утончённость рисунка в целом, остальные более упрощённые» (Бидзиля, Полин 2012, с. 475). Исходя из этого наблюдения С. В. Полин предположил, что пластины из Гаймановой Могилы являются наиболее ранними, а, следовательно, данный тип пластин появляется во второй четверти IV в. до н. э., остальные же датируются в пределах середины — третьей четверти IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 475). Вероятно, одной из самых поздних в этом ряду является розетка на золотой ажурной броши, найденная в погр. 13 кург. 7 у ст. Раздольной Краснодарского края и датирующаяся первой половиной II в. до н. э. (Treister 2002, p. 39—40, pl. I: 3). Она представляет собой сложную, трёхуровневую розетку, в

Рис. 2. Золотые предметы из коллекции МИКУ: 1 — ДМ-6040; 2—3 — ДМ-6032, 6034; 4—6 — ДМ-6036, 6038, 6044; 7 — ДМ-6018; 8—9 — ДМ-6296 / 4—5; 10 — ДМ-6047; 11 — ДМ-6292 / 1; 12 — ДМ-6292 / 3; 13 — ДМ-6292 / 2; 14 — ДМ-6050; 15 — ДМ-6612 (фото Д. В. Ключко)

основе которой лежит тот же крест, образованный цветами лотоса.

Пластины полностью аналогичные ханенковской происходят из курганов, исследованных в Подонье. Это пластины из кург. 11 могильника Частые курганы (1915 г.) в Среднем Подонье (Замятин 1946, с. 44, рис. 33: 1; Пузикова 1995, рис. 2; 3) и кург. 8 группы Пятибратские курганы в Нижнем Подонье (Steppengold 2003, Kat. 51). Все три группы пластин очень близки между собой, но отличаются некоторыми нюансами изображения, а главное — размерами. Это говорит о том, что они выполнены на разных матрицах, которые, тем не менее, были изготовлены в близкое время.

С. Ю. Монахов датирует амфорный комплекс из кургана 8 группы «Пять братьев» временем от второй половины 50-х до середины 30-х гг. IV в. до н. э. (Монахов 1999, с. 362), что, судя по

всему определяет время бытования пластинок с данным типом розетки и синхронизирует их с ажурными пластинами позднего варианта.

10. *Пластины средние круглые с изображением розетки* (2 шт.) (ДМ-6032, 6034) (рис. 2: 2, 3). (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 561, табл. V: 561; Онайко 1970, с. 106, кат. 499: д). Размеры: 17—18 × 17 мм. Золото 500 пробы.

Пластины с изображением семилепестковой розетки, состоящей из центрального круглого выступа, окружённого кольцом, от которого радиально расходятся семь лепестков, перемежающихся с 1 или 2 линиями-лучами. Каждый лепесток состоит из выпуклой сердцевинки и окружающего её ободка. Края пластины немного загнуты. Для пришивания пластины крест-накрест внутри наружу пробиты четыре отверстия.

Пластины с изображением розетки являются одними из самых распространённых в

скифских памятниках. По всей видимости, этот мотив был заимствован скифами из античной культуры, где он известен на надгробных стелах и деревянных и мраморных саркофагах (Случайные... 1918, с. 166—169, рис. 6; Соколовский 1969, с. 22, рис. 12, табл. 12: 21; Даниленко, Токарева 1974, с. 60; Копейкина 1986, с. 47; Зубарь 2012, рис. 4; 5; др.). А аналогичные по стилистике розетки, оттиснутые в золоте (с петельнообразными лепестками и кольцевидно-подчеркнутой сердцевиной), известны по материалам VI в. до н. э. на территории материковой Греции, например, на архаическом некрополе Ая Параскеви в Салониках (Greek... 1997, cat. 64, 65).

Известен целый ряд вариантов воплощения этого растительного мотива на пластинах, которые различаются по особенностям оформления сердцевин, форме лепестков и их количеству, наличию рамки и дополнительных элементов (Копейкина 1986, с. 47). Полностью аналогичные ханенковским розетки известны только по находкам в Большом Рыжановском кургане¹ (Ossowski 1888, Tabl. III: 14), однако, они отличаются между собой деталями воспроизведения и сердцевин, и лепестков. Розетка, на которой 7 лепестков перемежаются с радиальными линиями-лучами, найдена и в кург. 8 группы Пятибратние курганы на Нижнем Дону (Steppengold 2003, Kat. 51), но в данном случае она имеет центральный элемент, не обведённый кольцом, и внешнее кольцо, состоящее из псевдозерни. Комплексы Рыжановского кургана датируются в пределах последней трети IV — начала III вв. до н. э. (Скорый та ін. 1999, с. 102—103; Алексеев 2003, с. 297; Мозолевский, Полин 2005, с. 394), что, по всей видимости, определяет и дату пластин из коллекции Ханенко.

11. *Пластинки малые круглые с изображением розетки* (15 шт.) (ДМ-6030, 6031, 6035—6039, 6041—6046, 6048—6049) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 545—559, табл. V: 545—559) (рис. 2: 4—6). Размеры: 12—13 × 11—14 мм. Золото 500 пробы.

Пластинки с изображением семилепестковой розетки, состоящей из центрального круглого выступа, окружённого кольцом, от которого радиально расходятся семь лепестков, перемежающиеся с линиями-лучами. Лепестки показаны сплошными рельефными выступами. Пластинки оттиснуты одним штампом, но между собой различаются деталями воспроизведения сердцевин (диаметром центрального выступа и толщиной окружающего его кольца), что вполне может быть объяснено особенностями процесса изготовления пластин (тщательностью проработки рельефа, деформацией и подправ-

кой матрицы / штампа). На каждой пластине изнутри наружу пробиты по три отверстия.

В целом данные пластины близки к большим пластинам-розеткам из коллекции Ханенко, среди других комплексов аналоги им нам не известны.

IV. ПЛАСТИНЫ С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМ ОРНАМЕНТОМ

12. *Пластина в форме креста* (ДМ-6047) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 524—526, табл. V: 524) (рис. 2: 10). Размеры: 22 × 22 мм. Золото 750 пробы. Из 3 пластинок, упоминаемых в каталоге, сохранилась только 1.

Пластина в форме креста, составленного из пяти кружков с выпуклой круглой серединой, окружённой тонким гладким кольцом. Края пластины загнуты на 1—2 мм. По краям пробито 4 отверстия для нашивания.

Пластинки подобной формы являются одним из наиболее распространённых типов украшения середины V — IV вв. до н. э., отличаюсь между собой главным образом размерами — от 14 × 14 до 25 × 25 мм (Манцевич 1987, с. 30, кат. 1; Бидзиля, Полин 2012, с. 298, кат. 110/2; Полин 2014, с. 139—140, кат. 113). Ханенковская пластина относится к относительно крупным. Среди степных комплексов, близкие ей по размерам (20 × 20 — 24 × 25 мм) происходят из погр. 2 кург. 15 группы Золотая Балка, боковой гробницы Толстой Могилы, камеры 5 центральной гробницы Чертомлыка и гробницы 1 Бабиной Могилы, что позволяет датировать пластину в пределах второй — третьей четвертей IV в. до н. э.

В коллекции МИКУ хранится ещё три пластинки в форме креста (ДМ-6292/1—3) (рис. 2: 11—13), которые происходят из фондов археологического отдела Всеукраинского исторического музея им. Шевченко и были занесены в инвентарную книгу в феврале 1934 г.² Они имеют близкие размеры (две — 22 × 22, одна — 21 × 21 мм), выполнены из золота различной пробы: 750, 600 и 900. Из них одна пластина (ДМ-6292/3) (рис. 2: 12) почти идентична ханенковской (ДМ-6047) (рис. 2: 10) по размерам, особенностям выполнения рельефных кружков

1. В том числе они были найдены Д. Я. Самоквасовым (1908а, с. 81, рис. 33) при осмотре погребальной камеры, разграбленной крестьянами.

2. Данные пластины входят в довольно обширную группу предметов, о которой в инвентарной книге записано: «речі, що їх було найдено в фондах бувшого археологічного відділу ВУМ під час перевірки його з метою передачі на схованку до держбанку бригадою в складі тт. С. С. Магури, Т. А. Кременецької та І. А. Адольфа. Ці речі не мали на собі інвентарних №№ і до остаточної звірки інвентарів б / археологіч. відділу записані тимчасово до цього інвентаря» («Археологічний каталог. Книга VI тома Іго. С. 309—483. Почато запис 1925 р. Інвентарний № від 33093 до 39187»). Архів відділу збереження фондів Національного музею історії України, с. 462).

(в частности, в обоих случаях один из четырёх внешних кружков несколько деформирован) и характеру обрезки, благодаря которой достигалась контурность крестовидной формы. Это позволяет уверенно говорить о том, что они изготовлены одним штампом и происходят из одного комплекса. Ещё одна пластина (ДМ-6292/1) (рис. 2: 11), хотя и чуть меньших размеров, но во всех деталях подобна этим двум, что также позволяет предположить, что она с ними связана. В «Древностях Поднепровья» речь шла именно о трёх пластинках, хотя иллюстрация была дана только одной из них (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 524—526, табл. V: 524). В дальнейшем, в 1924 г. при записи предметов, происходящих из «курганов близ г. Никополя», в инвентарной книге была зарегистрирована только одна пластина, которая визуально полностью соответствовала опубликованной. Можно предположить, что тогда в инвентарную книгу были внесены только те предметы, которые можно было опознать по публикациям, поскольку иные сведения о них, скорее всего, к тому времени были утеряны. Остальные же две пластины, данные о которых были неизвестны, хранились в фондах Археологического отдела до 1934 г. неучтёнными.

Четвёртая пластина (ДМ-6292/2) (рис. 2: 13) отличается от других параметрами, иной проработкой рельефа, более тщательно выделенным контуром и тем, что в углублениях на лицевой поверхности много окислов. По всей видимости, она происходит из другого комплекса, не связанного с тем, откуда происходят первые три пластины. Очень близкой аналогией ей является пластина, найденная в камере V центральной гробницы кургана Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 246, кат. 212/4; рис. 78: 212/4). Отличия состоят в пробе золота (600 и 950) и несколько иной форме центрального кружка, что, на наш взгляд, вполне допустимо для пластин, выполненных на одном матрице.

13. *Бляшки выпуклые небольших размеров* (9 шт.) (ДМ-6296/1—9) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 515—523) (рис. 2: 8, 9). Размеры: 15 × 8 × 5 мм. Золото 750 пробы.

Среди золотых изделий, занесённых в инвентарную книгу археологического отдела в 1934 г., присутствуют 9 небольших выпуклых бляшек. В «Древностях Поднепровья» также упоминается 9 «лоточков небольших размеров», однако, их рисунок не приводится. По всей видимости, именно поэтому они (так же, как и две пластины в форме креста) не были опознаны и инвентаризированы в 1924 г., но, по сути дела, у нас есть все основания определить их как принадлежащие к коллекции Ханенко и упоминаемые в вып. 6 «Древностей Поднепровья».

Бляшки трёхчастные, в виде гантели: центральная часть более узкая, украшена риф-

лением из 3 полуколец, к ней с обеих сторон примыкают две полусферы, на которых сверху нанесены по два параллельных вдавления. На краях полусфер сделаны по 2 небольших и акkuratных отверстия для нашивания.

Аналогичные ханенковским бляшки встречены в Александропольском кургане, как во время раскопок в середине XIX в. (Древности... 1866, табл. IX: 27, 28), так и при исследовании памятника в 2006—2008 гг. (Полин, Дараган 2010, рис. 7), в кург. 4 Елизаветовского могильника на Нижнем Дону (Миллер 1910, рис. 5: 6) и в кург. 11 группы Частые курганы на Среднем Дону (Замятин 1946, с. 44, рис. 33: 5). Главное отличие александропольских и донских бляшек от ханенковских в том, что отверстий для нашивания пробито на них только по два — по одному на каждой полусфере.

Исходя из аналогий, датировать ханенковские бляшки можно также как и комплекс Александропольского кургана — в пределах последней трети IV в. до н. э. (Алексеев 2003, с. 297; Полин, Дараган 2008).

14. *Пластина орнаментированная в форме двух соединённых кружков* (ДМ-6018) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 560, табл. V: 560) (рис. 2: 7). Размеры: длина 18 мм, диаметр кружков 9 мм. Золото 750 пробы.

Небольшая пластина, имеющая форму двух соединённых кружков, каждый из которых декорирован рельефным орнаментом: в центре кружка находится круглый выступ, от которого раскручивается спираль, состоящая из псевдозерни и полностью его заполняющая. Пластина вырезана по контуру, её края слегка загнуты. На пластине изнутри наружу пробито 13 разновеликих отверстий, расположенных бессистемно, в основном по краю.

Аналогий данной пластине не найдено.

15. *Бляшка круглая орнаментированная* (ДМ-6050) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 561, табл. V: 561) (рис. 2: 14). Размеры: 11 × 12 мм. Золото 750 пробы.

Полусферическая бляшка с выпуклой, умбообразной центральной частью, украшенной радиально расходящимися из вершины лучами, проработанными в невысоком рельефе, вокруг поясок, украшенный рельефным зигзагообразным орнаментом. Между выпуклой частью и пояском пробиты 3 отверстия, одно из которых было продублировано, а затем разорвано. Бляшка частично деформирована, как бы смятая.

Бляшка не характерна для скифских памятников — различные варианты подобных бляшек (гладкие полусферические, с пояском в виде жемчужника и пр.) массово встречаются в комплексах I—II вв. и доживают до эпохи великого переселения народов, хотя наиболее ранние экземпляры подобных изделий, фактически их прототипы, известны еще в скифское время (Чертомлык, Александропольский курган). Ханенковской бляшке наиболее близки

находки из «погребения с золотой маской» в Керчи, Крым (Тайна... 2009, кат. 26).

В коллекции МИДУ хранится еще 21 аналогичная бляшка (ДМ-6612) (рис. 2: 15). Они были внесены в инвентарную книгу в том же 1934 г. как хранившиеся в фондах археологического отдела ВУИМ. Их происхождение, были ли они частью коллекции Ханенко или попали в собрание ВУИМ по другим каналам — неизвестно и требует отдельного исследования. Однако при детальном сравнении бляшки из коллекции Ханенко с этими бляшками оказалось, что они оттиснуты по одному штампу, что говорит об их общем происхождении¹.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные изделия из коллекции Ханенко относительно разнородны в плане хронологических и культурных привязок. Большая часть из них датируется в пределах второй половины IV в. до н. э. и теоретически могла бы происходить из нескольких курганных комплексов. Однако представляется, что указанное в каталоге место находок — «близ г. Никополь» — не соответствует истине.

Предметы, поступавшие в коллекцию Ханенко, скупались специальными торговыми агентами в самых разных местах (см., напр.: Безкоровайна, Сорокина, Діденко 2009, с. 25). В начале XX в. рынок археологических и классических (античных) древностей был довольно значительным. Например, в Отчёте Императорской археологической комиссии при характеристике предметов, поступивших в ИАК в 1903 г., упоминаются продавцы древностей Надель из Одессы, Е. Запорожский, Ш. Гохман и киевский торговец древностями Богданов (Отчёт 1906, с. 155, 164, 167). В реальности же таких продавцов было гораздо больше. Равно как довольно обширным был и круг коллекционеров, пользовавшихся их услугами.

Масштабы разграбления курганов на территории Степной Украины, как и в других южных регионах Российской империи, были значительными. Например, Д. Я. Самоквасовым (1908b, с. 5) отмечалось, что уже «в 40-х годах XIX в., “по распоряжению начальства”, как говорит местное население, было раскопано много курганов в юго-западных губерниях исправниками, становыми приставами, волостными писарями и помещиками; найдено было много могильных древностей, часть которых поступила на хранение в музей Университета св. Владимира». В той или иной степе-

ни разграблению подверглись многие большие скифские курганы. В некоторых случаях археологам, краеведам и представителям ИАК удавалось побывать на месте грабежа, зафиксировать археологические комплексы и скупить некоторую часть находок, которая поступала в ИАК и музеи. По мере роста влияния и значимости ИАК уже в конце XIX в. был усилен контроль за памятниками, что частично позволило предотвратить их разграбление.

Однако рынок древностей, обслуживающий довольно обширный круг частных коллекционеров древностей, постоянно требовал новых поступлений, что привело, с одной стороны, насыщения его подделками, а с другой — изменения тактики грабителей, о чём довольно ёмко написал А. Л. Бертъе-Делагард (1896, с. 33): «Совсем иное дело теперь. Раскопка идёт истинно хищническая, как ни попало и что ни попало, большей частью ночью, хватают, что попадёт под руку, невольны бьют и разбрасывают остатки; завозят вещи как можно дальше, особенно за границу, непременно приписывают им самое невозможное происхождение и не только во время продажи, но и никогда, ни в чём не сознаются, так как опасность законного преследования всегда остаётся... Маленький пример лучше пояснит дело. Принесли мне в Одессе кучку разных обыкновенных мелких древних вещей с уверением, что всё это найдено где-то за Екатеринославом, даже древню называли, я, однако, не сомневаюсь, что вещи были из Керчи».

В случае с торговыми агентами семьи Ханенко, можно довольно уверенно говорить, что они также имели дело с подобными торговцами, скрывающими истинное место происхождения предметов. О чём, кстати, упоминается и в самом каталоге. При публикации золотых сканьих украшений эпохи средневековья отмечается, что «часть этой находки была приобретена нами ранее и издана в III выпуске Древ. Приднепр. (№ 443—365), но местонахождение предметов, по вине продавца, было указано тогда неправильно, в действительности предметы были найдены в кургане при г. Никополе, Екатеринослав. губ.» (Ханенко, Ханенко 1907, с. 12). Конечно, у нас нет оснований подвергать сомнению всю информацию о происхождении археологических предметов, поступивших в коллекцию Ханенко, особенно опубликованных в первых выпусках «Древностей Приднепровья». Но касательно рассмотренных золотых предметов, есть все основания считать, что никакого отношения к курганам у г. Никополя они не имеют.

Детальный анализ позволяет утверждать, что большая часть из них происходит, по всей видимости, из больших и богатых скифских курганов. Об этом говорит и высокое качество изготовления предметов, и приведенные им аналогии. Не случайным также является и то, что значительная часть пластин пред-

1. Под этим же номером (ДМ-6612) хранится ещё 19 бляшек, имеющих иное оформление пояска, а на некоторых — и центральной части. Все 40 бляшек изготовлены из золота очень высокой пробы, что также говорит в пользу того, что они принадлежат к более позднему периоду. Их детальный анализ уже выходит за пределы этого исследования.

ставлена единичными экземплярами, хотя в действительности подобные изделия, как правило, найдены в скифских погребениях большими сериями. Скорее всего, это некая выборка предметов разнородного происхождения, по тем или иным причинам попавших на рынок древностей (в том числе и за счёт продающихся мелких коллекций), составленная по случаю наличия соответствующего спроса и облечённая в легенду о «курганах близ г. Никополя». Место находки, по всей видимости, было выбрано неслучайно. Окрестности г. Никополя действительно насыщены скифскими памятниками (Черненко и др. 1986, с. 22—26). На рубеже XIX—XX вв. этот регион был широко известен всем любителям древностей по раскопкам в 1862—1863 гг. «царского» кургана Чертомлык. Можно предполагать, что в среде коллекционеров предметы из «курганов близ г. Никополя» стали привлекательным брендом, знаменитостью, которую многие хотели получить в свою коллекцию. К сожалению, у нас нет прямых свидетельств об этом, но очень показательной является атрибуция ещё одного скифского золотого предмета, поступившего в 1930 г. в The Metropolitan Museum of Art (Нью-Йорк) с информацией, что он происходит всё из того же Никополя. Это пластина-обкладка ножен меча с изображением сцены битвы греков с варварами (Richter 1931, p. 44, 47; Шилов 1961, с. 165; Онайко 1970, с. 102, кат. 424), которая, как потом было выяснено, происходит из кургана Чайн в Западном Крыму (Shcheglov, Katz 1991).

Вместе с тем, проведённый анализ изображений позволяет сделать ряд предположений относительно места происхождения рассмотренных золотых предметов из коллекции Ханенко. Прежде всего, это касается тех пластин, которые по своему оригинальны и отличны от иных, им подобных, но во многом идентичны изделиям, происходящим из того или иного известного памятника и, судя по всему, выполнены вместе с ними на одной матрице.

Таким образом, с высокой долей вероятности, можно предположить, что пластины с изображением Медузы (ДМ-6033) (рис. 1: 1), грифона (ДМ-6024) (рис. 1: 9) и «бегущего» юноши (ДМ-6016) (рис. 1: 2) относятся к находкам в кургане Куль-Оба, значительная часть которых разошлась по частным коллекциям, через которые попала в различные собрания и музеи многих стран мира (Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 14—25).

Пластина с изображением мужской головы (ДМ-6015) (рис. 1: 3), по всей видимости, происходит из кургана Огуз. В 1902 г. «восемь лет спустя по окончании раскопок, здесь было собрано множество золотых вещей, большей частью доставленных местным начальством в Комиссию, отчасти же разошедшихся по рукам и попавших в частные коллекции (напр.,

П. А. Маврогордато и Б. И. Ханенка)» (Спицын 1906, с. 161, рис. 10). Действительно, в том же заключительном выпуске «Древностей Приднепровья» опубликованы предметы, поступившие в коллекцию Ханенко как происходящие из кургана Огуз и найденные «крестьянами ... в боковом склепе» (Ханенко, Ханенко 1907, с. 15—16, кат. 473—498, табл. VI). Однако это была только часть находок, остальные же разошлись довольно широко по частным коллекциям, и в итоге одна из огузских пластин могла попасть к некоему торговцу, продавшему её в ту же коллекцию Ханенко.

Очень заманчиво предположить, что одна из пластин в форме креста (ДМ-6292/2) (рис. 2: 13) связана с находками в кургане Чертомлык. Она может иметь отношение к той части находок в кургане, которая, согласно договору с владелицей земли помещицей Е. П. Зейфарт, после раскопок в 1863 г. отошла к ней. ИАК вёл переговоры о покупке предметов, однако «из-за бюрократических проволочек и задержек вещи не были куплены, их дальнейшая судьба неизвестна» (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 13). Очень вероятно, что золотые предметы разошлись по частным коллекциям. А если учесть, что помещице передавались преимущественно тиражированные предметы, то пластинка в форме креста вполне могла оказаться среди них.

Круг приведенных аналогий позволяет сделать вывод, что удлинённая выпуклая бляшка с изображениями голов кабана (ДМ-6051) (рис. 1: 10) и большая пластина-розетка (ДМ-6040) (рис. 2: 1) происходят из среднедонских могильников, также подвергавшихся разграблению в начале XX в. (Отчёт 1908, с. 82, 96). Возможно, оттуда же происходят и малые выпуклые бляшки (ДМ-6296) (рис. 2: 8, 9).

Происхождение из лесостепных памятников нельзя исключать и для средних (ДМ-6032, 6034) (рис. 2: 2, 3) и малых (ДМ-6030, 6031, 6035—6039, 6041—6046, 6048, 6049) (рис. 2: 4—6) пластин-розеток.

А вот серия пластин с изображением грифона (ДМ-6019, 6020, 6022, 6023, 6025—6029) (рис. 1: 5—7) вполне может быть связана с относительно небольшим степным курганом, учитывая, что аналогичные ей пластины из кург. 4 группы Р-III (1970 г.) у с. Вильна Украина Херсонской обл. происходят из небольшого кургана, имевшего высоту менее 1 м при диаметре до 30 м (Скифские... 1985, с. 128).

Вероятно, наиболее загадочной в этой серии является пластина с изображением сцены терзания (ДМ-6021) (рис. 1: 4). Удивляет и по своему настораживает сочетание в ней стандарта композиции изображения, соответствующего бронзовым навершиям краснокутского типа, и полнейшей уникальности образа фантастического животного (грифо-дракона) и стилистических приёмов его воплощения, прежде

всего, выразившихся в передаче крыла и лапы. Эта уникальность могла быть в равной степени результатом творчества как древнего мастера (работавшего, впрочем, в рамках заданной традиции, ограничивающей его действия), так и ювелира рубежа XIX—XX вв. (не связанного никакими традициями и ограничениями и произвольно соединявшего разные древние образы и схемы в нечто новое). Последнее предположение также нельзя исключать из внимания, если учесть масштабы подделок древних ювелирных изделий, хлынувших на рынок коллекционирования в то время (Бертье-Делагард 1896; Фон-Штерн 1899; Редин 1897). Некоторые сомнения вызывает и уникальная круглая пластина с изображением зверя (ДМ-6017) (рис. 1: 8), которая по иконографическим признакам датируется XII—XIII вв.

Все высказанные предположения по поводу атрибуции золотых находок из коллекции Ханенко носят пока предварительный характер и основываются преимущественно на их иконографическом анализе. Дальнейшие исследования, несомненно, помогут уточнить, подтвердить или опровергнуть сделанные выводы.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э.* Киев: Наукова думка.
- Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа.* Прага, Ленинград: Артия, Искусство.
- Бабенко, Л. И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени.* Харьков: Райдер.
- Бабенко, Л. И. 2015. Золотые нашивные бляшки из кургана Верхний Рогачик: критика источника. *Российская археология*, 3, с. 67-78.
- Бессонова, С. С. 1977. Образ собако-птаха у мистецтві Північного Причорномор'я скіфської епохи. *Археологія*, 23, с. 11-24.
- Беляшевский, Н. 1899. Археологический съезд в Киеве. *Киевская старина*, 10, с. 107-120.
- Бертье-Делагард, А. Л. 1896. Подделка греческих древностей на юге России. *Записки Одесского общества истории и древности*, 19, с. 27-68.
- Бидзиля, В. И., Болтрик, Ю. В., Мозолевский, Б. Н., Савовский, И. П. 1977. Курганный могильник в уроч. Носаки. В: Бидзиля, В. И. (ред.). *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки.* Киев: Наукова думка, с. 61-158.
- Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова могила.* Киев: Скиф.
- Болтрик, Ю. В., Фіалко, О. Є. 1991. Дослідження скіфського «царського» кургану Тащенак. *Археологічні дослідження на Україні у 1990 р.*, с. 7-9, 34-35.
- Бунина, О. П. 2017. К вопросу происхождения и семантики декоративной керамики собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. *РусArch. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры.* Электрон. ресурс: <http://rusarch.ru/bunina1.htm>.
- Венедиков, И., Герасимов, Т. 1973. *Тракийското изкуство. София:* Български художник.
- Грейвс, Р. 2005. *Мифы древней Греции. Пер. с англ.* К. Лукьяненко. Екатеринбург: У-Фактория.
- Грибова, Г. О., 2009. Ювелірні вироби з кургану № 5 біля с. Архангельська Слобода. В: Бессонова, С. С. (ред.) *Епоха раннього заліза.* Київ, Полтава, с. 103-110.
- Грибова, Г. О. 2011. Образ Геракла на пластинах-апликаціях з колекції МІКУ. *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки».* Київ, с. 121-129.
- Гуляев, В. И. 2010. *На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов).* Москва: ИА РАН.
- Древности Геродотовой Скифии. 1866. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Санкт-Петербург, 1.
- Дюбрюкс, П. 2010. *Собрание сочинений.* II: Иллюстрации. Санкт-Петербург: Коло.
- Журавлёв, Д. В., Новикова, Е. Ю., Шемаханская, М. С. 2014. *Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея.* Москва: ГИМ.
- Замятин, С. Н. 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. *Советская археология*, VIII, с. 45-68.
- Зубарь, В. М. 2012. О семантике надгробных памятников некрополя Херсонеса классического и эллинистического периодов. В: Журавлев, Д. В., Фирсов, К. Б. (ред.) *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гуциной.* Москва, с. 91-101.
- Канторович, А. Р. 2015. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика. *Исторические исследования*, 3, с. 113-218.
- Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве* (в здании Университета св. Владимира). 1899. Киев.
- Ковалинский, В. В. 1998. *Меценаты Киева.* Киев: Кий.
- Ковалинский, В. В. 2003. *Семья Терещенко.* Киев: Преса України.
- Колчин, Б. А., Янин, В. Л., Ямщиков, С. В. 1985. *Древний Новгород. Прикладное искусство и археология.* Москва: Искусство.
- Копейкина, Л. В. 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба. В: Грач, Н. Л. (ред.). *Античная торговля.* Ленинград: Государственный Эрмитаж, с. 28-63, 148-155.
- Лелеков, Л. А. 1978. *Искусство Древней Руси и Восток.* Москва: Советский художник.
- Лесков, О. 1974. *Скарби курганів Херсонщини.* Київ: Мистецтво.
- Лесков, А. М. 1981. *Курганы: находки, проблемы.* Ленинград: Наука.
- Либеров, П. Д. 1965. *Памятники скифского времени на среднем Дону.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-311.
- Манцевич, А. П. 1987. *Курган Солоха. Публикация одной коллекции.* Ленинград: Искусство.
- Мелюкова, А. И. 1981. *Краснокутский курган.* Москва: Наука.
- Миллер, А. А. 1910. Раскопки в районе древнего Танаиса. *Известия Императорской археологической комиссии*, 35, с. 86-130.
- Минасян, Р. С. 2014. *Металлообработка в древности и средневековье.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы).* Киев: Стилос.

- Монахов, С. Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н. э.* Саратов: Саратовский университет.
- Мурзин, В. Ю., Черненко, Е. В. 1980. О средствах защиты боевого коня в скифское время. В: Тереножкин, А. И. (ред.) *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 155-168.
- Отчёт Императорской археологической комиссии за 1903 г. 1906. Санкт-Петербург.
- Отчёт Императорской археологической комиссии за 1905 г. 1908. Санкт-Петербург.
- Одесский археологический музей АН УССР. 1983. Альбом. Дзис-Райко, Г. А. (ред.). Киев: Наукова думка.
- Онайко, Н. А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-27.
- Павлуцкий, Г. 1903. *Предметы античного вооружения*, найденные в Екатеринославском уезде. *Археологическая летопись Южной России*, 3, с. 37-40.
- Пенкова, Е., Конова, Л., Цанева, С., Кислов, К. 2015. *Мистерии и истины за Панагюрското съкровище*. София: Уникарт.
- Плетнёва, С. А. 1973. *Древности Чёрных Клобук*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Е 1-19.
- Погребова, Н. Н. 1948. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. *Краткие сообщения ИИМК*, XXII, с. 62-67.
- Полидович, Ю. Б. 2015а. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира. *Донецкий археологический збірник*, 19, с. 85-142.
- Полидович, Ю. Б. 2015б. Грифон в скифской изобразительной традиции. *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки»*. Київ, с. 107-126.
- Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филюк.
- Полин, С. В. 2016а. О некоторых монетных типах скифских золотых нашивных бляшек. *ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка: Материалы IV Международного нумизматического симпозиума*. Севастополь, с. 68-73.
- Полин, С. В. 2016б. Александропольский дракон. В: Марина, З. П. (ред.). *Археологія та етнологія півдня Східної Європи*. Дніпро: Ліра, с. 278-287.
- Полин, С., Дараган, М. 2008. Проблемы датировки скифского царского кургана Александрополь. *Revista Arheologică. Serie nouă*, IV, 2, с. 146-163.
- Полин, С. В., Дараган, М. Н. 2010. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. *Символа*, 1: Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия, с. 191-209.
- Пузикова, А. И. 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области. *Краткие сообщения Института археологии*, 107, с. 80-91.
- Пузикова, А. И. 1995. *Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области)*. Москва: Практик-А.
- Пузикова, А. И. 2000. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов)*. Москва: Индрик.
- Раевский, Д. С. 1985. *Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э.* Москва: Наука.
- Редин, Е. К. 1897. X археологический съезд. *Записки Императорского Харьковского университета*. Харьков, с. 135-161.
- Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград.
- Русяева, М. В. 2002. *Горгонейоны* на произведениях торевтики из скифских курганов. *Боспорские чтения*, 3, с. 216-218.
- Русяева, М. 2007. Иконография образу Геракла за памятками торевтики зі скіфських курганів IV ст. до н. е. *Художня культура. Актуальні проблеми*, 4, с. 296-306.
- Самоквасов, Д. Я. 1908а. *Могилы Русской земли*. Москва: Синодальная типография.
- Самоквасов, Д. Я. 1908б. *Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей*. Москва: Синодальная типография.
- Симоненко, А. В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Скорий, С. А., Хохоровські, Я., Григор'єв, В. П., Ридзевські, Я. 1999. Центральная могила Великого Рижанівського кургану. *Археологія*, 1, с. 94-105.
- Случайные находки и приобретения за 1916 и 1917 годы. 1918. *Известия Археологической комиссии*, 65, с. 157-176.
- Сокольский, Н. И. 1969. *Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1-17.
- Спицын, А. А. 1906. Сергозские курганы. *Известия Императорской археологической комиссии*, 19, с. 157-174.
- Тайна золотой маски*. 2009. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж.
- Тахо-Годи, А. А. 1989. *Греческая мифология*. Москва: Искусство.
- Тереножкин, А. И., Мозолевский, Б. Н. 1988. *Мелитопольский курган*. Киев: Наукова думка.
- Тревер, К. В. 1953. *Очерки по истории культуры древней Армении. (II в. до н. э. — IV в. н. э.)*. Москва, Ленинград: АН СССР.
- Фиалко, Е. Е. 2003. Золотые бляшки из кургана Огуз. *Российская археология*, 1, с. 124-133.
- Фон-Штерн, Э. Р. 1899. О подделках классических древностей на юге России. *Труды X археологического съезда в Риге, 1896*, I, с. 189-196.
- Ханенко, Б. И., Ханенко, В. Н. 1907. *Древности Приднепровья и побережья Чёрного моря*. Киев, VI.
- Черненко, Е. В., Бессонова, С. С., Болтрик, Ю. В., Полин, С. В., Скорый, С. А., Бокий, Н. М., Гребеников, Ю. С. 1986. *Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.
- Шилов, В. П. 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. *Советская археология*, 1, с. 150-168.
- Furtwängler, A. 1890. Gorgones. *Ausführliche Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*, 1, 2: Euxistratos-Hysiris, Sp. 1695-1727.
- Greek Jewellery: 6,000 Years of Tradition: Thessaloniki, Villa Bianca, 21 December 1997 — 21 February 1998*. 1997. Athens.
- Karoglou, K. 2018. Dangerous Beauty: Medusa in Classical Art. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*, 75, 3, p. 1-48.
- Polin, S., Daragan, M. 2011. New type of gold application with the image of a dragon from a Scythian royal Aleksandropol'sky kurgan. In: Apakidze, J., Govedarica, B., Hänsel, B. (eds). *Der Schwarzmeerraum vom aneolithikum bis in die früheisenzeit (5000—500 v. Chr.)*. Rahden: Marie Leidorf, 1, p. 273-278.
- Richter, G. M. A. 1931. A Greek Sword Sheath of a Scythian King. *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art*, 26, 2, p. 44-48.

Shcheglov, A. N., Katz, V. I. 1991. A Fourth-Century BC Royal Kurgan in the Crimea. *Metropolitan Museum Journal*, 26, p. 97-122.

Steppengold. *Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. 2003. Katalog. Frankfurt am Main.

Treister, M. 2002. Late Hellenistic Bosphoran Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *Silk Road Art and Archaeology*, 8, p. 29-72.

Wilk, S. R. 2000. *Medusa: Solving the Mystery of the Gorgon*. Oxford: University Press.

Wilson, L. 1920. Contributions of Greek Art to Medusa Myth. *American Journals of Archaeology*, 24, 3, p. 232-240.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu. 2003. *Khronografiya Yevropeyskoy Skiffii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyy Ermitazh.

Alekseyev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk. Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga, Leningrad: Artiya, Iskusstvo.

Babenko, L. I. 2005. *Pesochinskij kurgannyj mogil'nik skifskogo vremeni*. Har'kov: Rajder.

Babenko, L. I. 2015. Zolotyie nashivnyie blyashki iz kurgana Verkhniy Rogachik: kritika istochnika. *Rossiyskaya arkheologiya*, 3, s. 67-78.

Bezsonova, S. S. 1977. Obraz sobako-ptakha u mystetstvi Pivnichnogo Prychornomor'ya ckifskoyi epokhy. *Arkheologiya*, 23, s. 11-24.

Beliashevskiy, N. 1899. Arkheologicheskiy sjezd v Kieve. *Kievskaya starina*, 10, s. 107-120.

Bert'ye-Delagard, A. L. 1896. Poddelka grecheskikh drevnostey na yuge Rossii. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnosti*, 19, s. 27-68.

Bidzilya, V. I., Boltrik, Yu. V., Mozolevskiy, B. N., Savovskiy, I. P. 1977. Kurgannyj mogil'nik u roch. Nosaki. In: Bidzilya, V. I. (ed.). *Kurgannye mogil'niki Rysnyye Mogily i Nosaki*. Kiev: Naukova dumka, s. 61-158.

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova mogila*. Kiev: Skif.

Boltryk, Yu. V., Fialko, O. Ye. 1991. Doslidzhennya skifskoho «tsarskoho» kurhanu Tashchenak. *Arkheolohichni doslidzhennya na Ukraini u 1990 r.*, s. 7-9, 34-35.

Bunina, O. P. 2017. K voprosu proiskhozhdeniya i semantiki dekorativnoy keramiki sobora Rozhdestva Bogoroditsy Ferapontova monastyya. *RusArkh. Elektronnyaya nauchnaya biblioteka po istorii drevnerusskoy arkhitektury*. Elektron. resurs: <http://rusarch.ru/buninal.htm>.

Venedikov, I., Gerasimov, T. 1973. *Trakijskoto izkustvo*. Sofija: Blgarskiy hudozhnik.

Grejvs, R. 2005. *Mify drevnej Grecii*. Per. s angl. K. Luk'yanenko. Ekaterinburg: U-Faktoriya.

Gribkova, H. O., 2009. Yuvelirni vyroby z kurhanu N 5 bilia s Arkhanhelska Sloboda. In: Bessonova, S. S. (ed.) *Epokha ranneho zheleza*. Kiev, Poltava, s. 103-110.

Gribkova, H. O. 2011. Obraz Herakla na plastynakh-aplikatsiiakh z kolektsii MIKU. *Muzeini chytannia. Materialy naukovoi konferentsii «Yuelirne mystetstvo — pohliad kriz' viky»*. Kyiv, s. 121-129.

Gulyaev, V. I. 2010. *Na vostochnykh rubezhah Skiffii (drevnosti donskikh skifov)*. Moskva: IA RAN.

Drevnosti Gerodotovoy Skiffii. 1866. Sbornik opisaniy arheologicheskikh raskopok i nahodok v Chernomorskiikh stepyah. Sankt-Peterburg, 1.

Dyubryuks, P. 2010. *Sobranie sochineniy*. II: Illyustratsii. Sankt-Peterburg: Kolo.

Zhuravliov, D. V., Novikova, E. Yu., Shemahanskaya, M. S. 2014. *Yuvelirnye izdeliya iz kurgana Kul'-Oba v sobranii Istoricheskogo muzeya*. Moskva: GIM.

Zamyatin, S. N. 1946. Skifskiy mogil'nik «Chastye kurgany» pod Voronezhom. *Sovetskaya arheologiya*, VIII, s. 45-68.

Zubar', V. M. 2012. O semantike nadgrobnnykh pamyatnikov nekropolya Hersonesa klassicheskogo i ehllinisticheskogo periodov. In: Zhuravlev, D. V., Firsov, K. B. (ed.). *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati I. I. Gushchinoy*. Moskva, s. 91-101.

Kantorovich, A. R. 2015. Obrazy sinkreticheskikh sushchestv v vostochnoevropskom skifskom zverinome stile: klassifikatsiya, tipologiya, hronologiya, ikonograficheskaya dinamika. *Istoricheskie issledovaniya*, 3, s. 113-218.

Katalog vystavki XI Arheologicheskogo sjezda v Kieve (v zdanii Universiteta sv. Vladimira). 1899. Kiev.

Kovalinskiy, V. V. 1998. *Mecenaty Kieva*. Kiev: Kij.

Kovalinskiy, V. V. 2003. *Sem'ya Tereshchenko*. Kiev: Presa Ukrainy.

Kolchin, B. A., Yanin, V. L., Yamshchikov, S. V. 1985. *Drevniy Novgorod. Prikladnoe iskusstvo i arheologiya*. Moskva: Iskusstvo.

Kopeykina, L. V. 1986. Zolotyie blyashki iz kurgana Kul'-Oba. In: Grach, N. L. (ed.). *Antichnaya toreutika*. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh, s. 28-63, 148-155.

Lelekov, L. A. 1978. *Iskusstvo Drevnej Rusi i Vostok*. Moskva: Sovetskij hudozhnik.

Lieskov, O. 1974. *Skarby kurhaniv Khersonshchyny*. Kyiv: Mystetstvo.

Leskov, A. M. 1981. *Kurgany: nahodki, problemy*. Leningrad: Nauka.

Liberov, P. D. 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na srednem Donu*. Moskva: Nauka. Svod arheologicheskikh istochnikov, D 1-311.

Mancevich, A. P. 1987. *Kurgan Soloha. Publikatsiya odnoy kolektsii*. Leningrad: Iskusstvo.

Melyukova, A. I. 1981. *Krasnokutskiy kurgan*. Moskva: Nauka.

Miller, A. A. 1910. Raskopki v rajone drevnego Tanaisa. *Izvestiya Imperatorskoy arheologicheskoy komissii*, 35, s. 86-130.

Minasyan, R. S. 2014. *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyy Ermitazh.

Mozolevskiy, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina, Vodyana i Soboleva Mogily)*. Kiev: Stilos.

Monahov, S. Yu. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoy tary VII—II vekov do n. e.* Saratov: Saratovskiy universitet.

Murzin, V. Yu., Chernenko, E. V. 1980. O sredstvakh zashchity boevogo konya v skifskoe vremya. In: Terenozhkin, A. I. (ed.) *Skiffiya i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 155-168.

Otchyot Imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1903 g. 1906. Sankt-Petereburg.

Otchyot Imperatorskoy arheologicheskoy komissii za 1905 g. 1908. Sankt-Petereburg.

Odesskiy arheologicheskii muzey AN USSR. 1983. Al'bom. Dzis-Rajko, G. A. (ed.). Kiev: Naukova dumka.

Onajko, N. A. 1970. *Antichnyy import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV—II vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskikh istochnikov, D 1-27.

Pavluckij, G. 1903. Predmety antichnogo vooruzheniya, najdennye v Ekaterinoslavskom uezde. *Arheologicheskaya letopis' Yuzhnoj Rossii*. Kiev, 3, s. 37-40.

Penkova, E., Konova, L., Caneva, S., Kisyov, K. 2015. *Misterii i istini za Panagjurskoto skrovishhte*. Sofija: Unikart.

Pletnyova, S. A. 1973. *Drevnosti Chyornyh Klobukov*. Moskva: Nauka. Svod arheologicheskikh istochnikov, E 1-19.

Pogrebova, N. N. 1948. Grifon v iskusstve Severnogo Prichernomor'ya v ehpohe arhaiki. *Kratkie soobshcheniya IIMK*, XXII, s. 62-67.

Polidovich, Yu. B. 2015a. Obrazy fantasticheskikh zhivotnykh v iskusstve narodov skifskogo mira. *Donec'kiy arheologichnyi zbirnik*, 19, s. 85-142.

Polidovich, Yu. B. 2015b. Grifon v skifskoy izobrazitel'noj traditsii. *Muzeini chytannia. Materialy naukovoi konferentsii «Yuelirne mystetstvo — pogliad kriz' viky»*. Kyiv, s. 107-126.

Polin, S. V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyj mogil'nik V—IV vv. do n. e. na Hersonshchine*. Kiev: Izdatel' Oleg Filyuk.

Polin, S. V. 2016a. O nekotorykh monetnykh tipakh skifskikh zolotykh nashivnykh blyashkek. *PriPONTijskij menyala: den'gi*

mestnogo rynku: *Materialy IV Mezhdunarodnogo numizmaticheskogo simpoziuma*. Sevastopol', s. 68-73.

Polin, S. V. 2016b. Aleksandropol'skij drakon. In: Marina, Z. P. (ed.). *Arheologiya ta etnologiya pivdnyia Skhidnoi Evropy*. Dnipro: Lira, s. 278-287.

Polin, S., Daragan, M. 2008. Problemy datirovki skifskogo carskogo kurgana Aleksandropol'. *Revista Arheologică. Serie nouă*, IV, 2, s. 146-163.

Polin, S. V., Daragan, M. N. 2010. Raboty na Aleksandropol'skom kurgane v 2008 g. *Συμβολα*, 1: Antichnyj mir Severnogo Prichernomor'ya. Novejšhie nahodki i otkrytiya, s. 191-209.

Puzikova, A. I. 1966. Noveye kurgany skifskogo vremeni v Belgorodskoj oblasti. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, 107, s. 80-91.

Puzikova, A. I. 1995. *Skify Srednego Dona (Belgorodskaya i Voronezhskaya oblasti)*. Moskva: Praktik-A.

Puzikova, A. I. 2000. *Kurganye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (publikaciya kompleksov)*. Moskva: Indrik.

Raevskij, D. S. 1985. *Model' mira skifskoj kul'tury. Problemy mirovozzreniya iranoazychnyh narodov evrazijskikh stepej I tysyacheletiya do n. e.* Moskva: Nauka.

Redin, E. K. 1897. X arheologicheskij sjezd. *Zapiski Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta*. Har'kov, s. 135-161.

Rostovcev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor*. Leningrad.

Rusyaeva, M. V. 2002. Gorgonejony na proizvedeniyah torevtiki iz skifskikh kurganov. *Bosporskie chteniya*, 3, s. 216-218.

Rusiaieva, M. 2007. Ikonohrafiia obrazu Herakla za pamiatkamy torevtyky zi skifskikh kurhaniv IV st. do n. e. *Khudozhnia kultura. Aktualni problemy*, 4, s. 296-306.

Samokvasov, D. Ya. 1908a. *Mogily Russkoj zemli*. Moskva: Sinodal'naya tipografiya.

Samokvasov, D. Ya. 1908b. *Raskopki drevnih mogil' i opisaniye, hraneniye i izdaniye mogil'nyh drevnostej*. Moskva: Sinodal'naya tipografiya.

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.

Skoryi, S. A., Khokhorovski, Ya., Gryhoriev, V. P., Rydzevski, Ya. 1999. Tsentralnaia mohyla Velykoho Ryzhanivskoho kurhanu. *Arkheolohiia*, 1, s. 94-105.

Sluchajnye nahodki i priobreteniya za 1916 i 1917 gody. 1918. *Izvestiya Arheologicheskoi komissii*, 65, s. 157-176.

Sokol'skiy, N. I. 1969. *Antichnye derevyannye sarkofagi Severnogo Prichernomor'ya*. Moskva: Nauka. Svod arheologicheskikh istochnikov, G 1-17.

Spicyn, A. A. 1906. Serogozskie kurgany. *Izvestiya Imperatorskoi arheologicheskoi komissii*, 19, s. 157-174.

Tajna zolotoj maski. 2009. Katalog vycstavki v Gosudarstvennom Ermitazhe. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Taho-Godi, A. A. 1989. *Grecheskaya mifologiya*. Moskva: Iskusstvo.

Terenozhkin, A. I., Mozolevskiy, B. N. 1988. *Melitopol'skij kurgan*. Kiev: Naukova dumka.

Trever, K. V. 1953. *Ocherki po istorii kul'tury drevney Armenii. (II v. do n. e. — IV v. n. e.)*. Moskva, Leningrad: AN SSSR.

Fialko, E. E. 2003. Zolotyie blyashki iz kurgana Oguz. *Rossiyskaya arheologiya*, 1, s. 124-133.

Fon-Shtern, E. R. 1899. O poddelkah klassicheskikh drevnostej na yuge Rossii. *Trudy X arheologicheskogo sjezda v Rige, 1896*, I, s. 189-196.

Khanenko, B. I., Khanenko, V. N. 1907. *Drevnosti Pridneprov'ya i poberezh'ya Chyornogo morya*. Kiev, VI.

Chernenko, E. V., Bessonova, S. S., Boltrik, Yu. V., Polin, S. V., Skoryj, S. A., Bokij, N. M., Grebennikov, Yu. S. 1986. *Skifskie pogrebal'nye pamyatniki stepej Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka.

Shilov, V. P. 1961. Raskopki Elizavetovskogo mogil'nika v 1959 g. *Sovetskaya arheologiya*, 1, s. 150-168.

Furtwängler, A. 1890. Gorgones. *Ausführliche Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*, 1, 2: Euxistratos-Hyrisis, Sp. 1695-1727.

Greek Jewellery: 6,000 Years of Tradition: Thessaloniki, Villa Bianca, 21 December 1997 — 21 February 1998. 1997. Athens.

Karoglou, K. 2018. Dangerous Beauty: Medusa in Classical Art. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*, 75, 3, p. 1-48.

Polin, S., Daragan, M. 2011. New type of gold application with the image of a dragon from a Scythian royal Aleksandropol'sky kurgan. In: Apakidze, J., Govedarica, B., Hänsel, B. (eds.). *Der Schwarzmeerraum vom aneolithikum bis in die früheisenzeit (5000—500 v. Chr.)*. Rahden: Marie Leidorf, 1, p. 273-278.

Richter, G. M. A. 1931. A Greek Sword Sheath of a Scythian King. *Bulletin of the Metropolitan Museum of Art*, 26, 2, p. 44-48.

Sheglov, A. N., Katz, V. I. 1991. A Fourth-Century BC Royal Kurgan in the Crimea. *Metropolitan Museum Journal*, 26, p. 97-122.

Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don. 2003. Katalog. Frankfurt am Main.

Treister, M. 2002. Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *Silk Road Art and Archaeology*, 8, p. 29-72.

Wilk, S. R. 2000. *Medusa: Solving the Mystery of the Gorgon*. Oxford: University Press.

Wilson, L. 1920. Contributions of Greek Art to Medusa Myth. *American Journals of Archaeology*, 24, 3, p. 232-240.

E. A. Velychko, Yu. B. Polidovych

GOLDEN FINDS FROM «NIKOPOLIAN BARROWS» FROM THE COLLECTIONS OF B. AND V. KHANENKO

The article is devoted to the attribution of objects from the collection of B. and V. Khanenko, which were received in the 1900s. from the market of antiquities as occurring «from the barrows near the city of Nikopol». These are various applicative decorations mostly dated to the 4th century BC. Stylistic analysis allows us to talk about the heterogeneity of this group of products and with great probability to assume that they are associated with predatory excavations of mounds in the steppe Black Sea region, the Crimea, the forest-steppe Dnieper and Middle Don region. Some of the items probably represent finds in the «royal» burial mounds, which broke out in the second half of the nineteenth century by private collections.

All assumptions about the attribution of gold finds from the collection of Khanenko are provisional and based mainly on their iconographic analysis. Further research will undoubtedly help clarify, confirm or disprove the conclusions.

Keywords: gold applicative decorations, Scythian period, Khanenko's collection, North Black sea region.

Одержано 5.01.2018

ВЕЛИЧКО Євгенія Олександрівна, старший науковий співробітник, Музей історичних коштовностей України, вул Лаврська 9, Київ, 01015, Україна, lerejena@gmail.com.

VELYCHKO Evgenija, Senior Researcher, Museum of Historical Treasures of Ukraine ul. Lavrska 9, Kyiv, 01015, Ukraine, lerejena@gmail.com.

ПОЛІДОВИЧ Юрій Богданович, кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник, Музей історичних коштовностей України, вул. Лаврська 9, Київ, 01015, Україна, yurkop@ukr.net.

POLIDOVYCH Yurii, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Museum of Historical Treasures of Ukraine ul. Lavrska 9, Kyiv, 01015, Ukraine, yurkop@ukr.net.